

Б.Ж. ГАЛСТЯН

**ФИЛОСОФСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В
ТВОРЧЕСТВЕ УИЛЬЯМА САРОЯНА И СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА**

Рассматриваются философские закономерности в творчестве У. Сарояна и С. Довлатова.

Ключевые слова: экзистенциализм, “пограничная ситуация”, размышление, абсурд, литература, мышление, бытие.

Введение. Экзистенциальное сознание как зеркало художественного мышления не является открытием XX века. Человек в его “экзистенции” всегда интересовал писателей. Литература XX века показала проблему существования личности лицом к лицу с жизнью и со смертью. У. Сароян и С. Довлатов показали мучительные размышления о смысле собственного бытия в ситуации осознания временности своего пребывания в мире, по философии экзистенциализма - проблему “пограничной ситуации”.

В экзистенциалистических произведениях Сарояна и Довлатова, особенно в письмах, мемуарах и интервью, в полный голос заявляет о себе абсурд. XX век можно назвать веком абсурда или, выражаясь словами В. Франкла, веком “экзистенциального вакуума”.

Сергей Довлатов и Уильям Сароян – писатели, которых разделял не только океан, но и 30 -летняя разница в возрасте. Предки Сарояна были из Битлиса (Западная Армения – Современная Восточная Турция), дед по материнской линии Довлатова, как он сам пишет, был из Тбилиси (Грузия).

Интересным совпадением в творчестве этих двух великих писателей является тема экзистенциальной свободы и понятия экзистенциализма. Тема свободы человеческой личности поднималась в разные периоды разными писателями, но Довлатов, как и Сароян, пожалуй, единственный из них раскрыл эту мысль таким необычным способом – с позиций взаимозаменяемости. Он показал, что человек сам выбирает для себя свободу или несвободу независимо от условий существования. Довлатов пишет так: “Я был ошеломлен глубиной и разнообразием жизни. Я увидел, как низко может пасть человек. И как высоко он способен парить... Мир был ужасен. Но жизнь продолжалась. Более того, здесь сохранились обычные жизненные пропорции. Соотношение добра и зла, горя и радости – оставалось неизменным” [1, стр. 26].

Некоторые черты стиля Довлатова очень близки с чертами стиля американских прозаиков, в частности Сарояна. Да и сам Довлатов по этому

поводу пишет: “В этом нет ничего удивительного. Молодость нашего поколения совпала с так называемой “хрущевской оттепелью”, когда железный занавес несколько приподнялся и мы получили доступ к ранее запретным плодам “буржуазной” культуры. Значительно позже, чем наши сверстники на Западе, мы узнали имена Фолкнера, Вульфа, Хемингуэя, Колдуэлла, Стейнбека, Сарояна, Чивера, Фицджеральда, Апдайка, Воннегута, Селинджера. Эта проза существенным образом отличалась не только от безжизненной, велеречивой и постной советской литературы, но и от произведений русской классики” [1, стр. 30].

Действительно, Сергей Довлатов и Уильям Сароян - очень разные писатели, и даже 30-летняя разница в возрасте говорит о разных манерах писателя. Однако тема свободы и экзистенциализма видна и в творчестве Сарояна, и в творчестве Довлатова.

Американский экзистенциализм, в отличие от французского, испанского и немецкого, развивался по-другому. Некоторые литературоведы вообще опровергают, считая, что в США ничего такого не было, напоминая, что не было войны, не было хаоса. В послевоенные годы XX века переводятся и исследуются произведения К. Ясперса, Ф. Ницше. Следует напомнить, что в 20-е годы в Париже живут и работают известные американские писатели Эрнест Хемингуэй, Джон Дон Пасос, Френсис Скотт Фицджеральд, Гертруда Стайн, Шервуд Андерсон. Все они принадлежали к различным школам модернизма, и очень часто их идеи примыкали к идеям экзистенциализма. Не надо забывать, что в годы второй мировой войны Соединенные Штаты Америки стали пристанищем для всех тех, кого преследовали нацисты.

Истоки американского экзистенциализма мы видим в литературе романтизма США. Это заметно в произведениях Натаниела Готорна, Германа Мелвила. Один из самых известных представителей французского экзистенциализма Альбер Камю неоднократно писал, что роман Г. Мелвила “Моби Дик” имел весьма заметное влияние на произведения французских писателей. Изучая проблематику экзистенциализма в литературе США, условно можно выделить три периода.

Первый период связан с 20-30 годами XX века в творчестве Ш. Андерсона, Э. Хемингуэя, Ф.С. Фицджеральда, Э. Колдуэлла, Р. Уильямса, Юджина О’Нилла, Уильяма Сарояна. Писателям и драматургам этого поколения присущи упаднические настроения и пессимизм, выражаясь словами психолога В. Франка, веком ситуации “экзистенциального вакуума”.

Второй период американского экзистенциализма охватывает 40-50 годы, именно в эти годы разразился кризис “маккартизма”. В литературе мы видим

проблему отчуждения. В 40-50 годы творили К. Эйкен, Д. Апдайк, У. Баррет, Н. Мейлер, Т. Уильямс, А. Миллер, А. Гинзберг, Д. Селинджер.

Третий период американского экзистенциализма охватывает 50-70 годы. Именно в эти годы зарождается битничество (Н. Мейлер, Д. Керуак). Именно в их произведениях мы чувствуем удар по конформизму, и вот тогда и зарождается театр абсурда (антидрама) (Юджин О' Нилл, А. Миллер), а немного позже и роман абсурда (К. Вонегут, Д. Хеллер). Наилучшим проявлением театра абсурда считаются произведения Э. Олби, а также экзистенциальные произведения У. Сарояна. Экзистенциалист У. Сароян оставил след в литературной жизни США. Некоторые произведения У. Сарояна приобрели философское значение и воспринимались с точки зрения экзистенциализма. Это заметно и в письмах писателя, эссе и в интервью. Экзистенциализм Сарояна - это, в первую очередь, результат сопоставления старого и нового. Истоки его мышления, с одной стороны, доходят до глубины древности, а с другой - стоят с одним из самых влиятельных течений XX века – экзистенциализмом.

У. Сароян, как и С. Довлатов, не увлекался современными течениями философских школ, однако очень быстро впитывал основные теоретические положения тех мыслителей, которые были близки к его идеям. Самое большое влияние на Сарояна оставили Д. Джойс и Ш. Андерсон. В отличие от других писателей-экзистенциалистов и драматургов, таких как Юджин О' Нилла, Т. Уильямс, А. Миллер, Э. Олби, в произведениях которых мы видим экзистенциальную модель нелепости и абсурдности мира, в драматургии У. Сарояна (“Мое сердце в горах”, 1939; “Время Вашей жизни”, 1939; “Эй кто-нибудь”, 1942), а также в некоторых прозаических произведениях (“Человеческая комедия”, 1943; “Приключения Весли Джексона”, 1945; “Тигр Тома Трейси”, 1941; “Печальная история”, 1953) писатель исследует философскую истину, а также философские категории, как отчуждение и абсурд. Автор на все это смотрит с точки зрения романтического, гуманистического экзистенциализма.

А вот понять экзистенциализм С. Довлатова помогают многочисленные интервью. В журнале “Семь дней” (Нью-Йорк, №48, 1984) писатель размышляет о русской литературе: “Начнем с того, что русская литература, в отличие от американской и европейской, с западной точки зрения литературой не является. Этот парадокс требует некоторой расшифровки. Русская православная церковь – господствующая церковь в России, в отличие от западных церквей, католической и протестантской, никогда не пользовалась в народе большим авторитетом. В православной церкви не было той грозной силы,

которая заставляла бы ее уважать и бояться. В русских народных сказках полно издевок и насмешек над священнослужителями – попами и попадьями, которые изображаются, как правило, алчными, глупыми и хитрыми людьми. В истории русской церкви было немало мучеников и подвижников, но очень мало религиозных деятелей с позитивной программой. Авторитет русской церкви укрепляется именно сейчас, в эпоху диссидентства, когда несколько русских священников выказали огромную силу духа в борьбе с тоталитарными порядками, снискав, таким образом, любовь и уважение народа” [1, стр. 46].

С точки зрения философии, С. Довлатов говорит следующее: “Что касается русской философии, то она гораздо моложе западной и начала развиваться лишь в XIX веке, дав несколько очень ярких имен – Бердяева, Соловьева, Леонтьева. Исторически же философов в России заменяли всякого рода антисоциальные личности – юродивые, кликуши, спившиеся резонеры и попросту балаганные шуты. В отношении к ним русское общество проявляло любопытство, смешанное с чувством брезгливости” [2, стр. 12].

Некоторые исследователи считают, что Бердяев – “один из родоначальников философии экзистенциализма, представитель русского экзистенциализма и персонализма” [3, стр. 32]. Довлатов не любил цитировать философов, но с Бердяевым он не расставался в течение всей своей жизни.

Навязчивая тяга к средней, нормальной жизни чувствовалась в Сарояне и Довлатове всегда, хотя сталкивались они, как правило, с “нормальным” абсурдом жизни. И даже восхищались им. Если принять во внимание, что суть всякой органической, не подчиненной идеологии художественной системы незаметным для самого автора образом антиномична, то антиномиями сарояновской и довлатовской прозы являются понятия “норма” и “абсурд”. Иногда прозаики называют мир “абсурдным”, но иногда – “нормальным”. Это плодотворное противоречие. Ловить художника на подобных вещах можно только в спекулятивных целях. По Довлатову и Сарояну, жизнь человеческая абсурдна, если мировой порядок – нормален. Но и сам мир абсурден, если подчинен норме, утратил качество естественного хаоса.

Велико влияние писателей-экзистенциалистов и философов-экзистенциалистов XIX и XX вв. на творчество Сарояна. Исследователи Б. Смирнов, А. Зверев, Н. Гончар, Н. Балакян отмечали большой интерес Сарояна к отдельным писателям и философам (З. Фрейд, К. Ясперс, Ш. Андерсон, Д. Джойс, У. Фолкнер, Ф. Достоевский, М. Пруст, Ж.П. Сартр, А. Камю, Д. Сантяна).

Спустя лишь десятилетия в своих драмах Сарояну удалось с позиции экзистенциального гуманизма показать жизнь. В произведениях “Виноградный сад” (1971), “Битлис”(1975) мы видим сарояновский гуманизм экзистенциализма.

Американский писатель смог продолжить главную экзистенциальную мысль, что человек обретен на свободу, и, обретая эту экзистенциальную свободу, человек должен нести на своих плечах всю нравственную тяжесть своего существования. Невольно вспоминаешь пророческие слова А. Камю: “Стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить”.. Для писателя и гуманиста Сарояна не существовало ложных умудренных философских идей. Главным для Сарояна были вопросы бытия, которые по интуиции писателя соприкасались с правдой, соотносьсь с экзистенциальными категориями жизни и смерти. Главный вопрос в философии У. Сарояна – это вопрос субстанции и смысла существования (экзистенции). В таких произведениях, как “Виноградный сад”(1971), “Битлис” (1975), мы видим экзистенциализм как теорию о нравственной ответственности. У. Сароян хорошо знал и интуитивно чувствовал теорию бытия и существования, и как единое целое все это рассматривал во всех своих произведениях.

Мировоззрение Сарояна-экзистенциалиста мы видим также в американском “театре абсурда” или, как его принято называть, в “антидраме”. Сароян наравне с известными американскими драматургами-абсурдистами Э. Олби, Т. Уильямсом создает свои произведения, в которых видны экзистенциальные мотивы. Особенно это заметно в пьесах “Избиение младенцев”(1952), “Пещерные люди” (1957), “Игра в пинг-понг” (1948), “Уходи старик” (1953), “Джим –Красавчик” (1954), “Ловец во ржи” (1953). С. Довлатов говорил: “Обидеть Довлатова легко, а понять – трудно”. Эту фразу часто повторял писатель, а это не что иное, как пример христианского экзистенциализма Бердяева.

Литературоведы, исследователи творчества Довлатова считают повесть “Зона” своеобразным проявлением экзистенциального мышления писателя. Эта повесть очень напоминает пьесу Сарояна “Эй, кто-нибудь”, у которого мы замечаем проявление романтического экзистенциального эксперимента. Довлатов, как и Сароян, разрушал сложившиеся понятия о жизни заключенных. Заключенные и охранник - это две философии, две точки зрения, которые можно понять с точки зрения экзистенциального мировосприятия. Согласно Довлатову, каторжник является “чудовищем, исчадием ада, а полицейский, следовательно, героем, моралистом, яркой творческой личностью. А с противоположной точки зрения, каторжник “является фигурой страдающей, трагической, заслуживающей жалости и восхищения. Охранник – злодей, воплощение жестокости и насилия” [4].

Своеобразие повести Довлатова состояло в том, что он показал отношения заключенных с точки зрения "пограничной ситуации", то есть

экзистенциального кризиса. В повести мы читаем следующие откровения: “Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей... Мы говорили на одном приклатненном языке. Распевали одинаковые сентиментальные песни. Претерпевали одни и те же лишения. Мы даже выглядели одинаково... Мы были очень похожи и даже – взаимозаменяемы. Почти любой заключенный годился на роль охранника. Почти любой надзиратель заслуживал тюрьмы” [4, стр. 51].

Довлатов показывает именно ту ситуацию, которую экзистенциалисты называют "пограничной ситуацией".

И в сфере творческой деятельности он, несомненно, стремился взглянуть на прозу нашей жизни так, как если бы она и сама по себе являлась образцом искусства прозы. Сам Довлатов с юмором дал понять свое отношение к жизни в интервью журналу ”Newsweek” 24 апреля 1989 года. Статья так и называлась “Актеры, дяди, экзистенциалисты”: “Двоюродный брат Борис оказался экзистенциалистом до мозга костей: Жизнь превратила ... [его] в уголовника. Иначе он неминуемо стал бы крупным партийным функционером” [5, стр. 62].

Проявления экзистенциального сознания в русской литературе – не исключение, а закономерность. Недаром предтечей экзистенциализма как философского направления, осмысленного в художественном плане, многие считают Ф. Достоевского, “лучшего прозаика всех времён и народов”, как отзывался о нём в одном из писем сам С. Довлатов. Герои Довлатова, как и Достоевского, живут в поисках ответов на смысложизненные вопросы, среди которых один из важнейших – “что есть счастье”, и доступно ли счастье человеку, осознающему весь ужас экзистенциального существования, то есть “пограничной ситуации”.

Послесловие. Экзистенциалисты У. Сароян и С. Довлатов долго и плодотворно работали в литературной жизни США. Некоторые произведения У. Сарояна и С. Довлатова приобрели философское значение и воспринимались с точки зрения экзистенциализма (письма, эссе, интервью). Экзистенциализм Сарояна и Довлатова - это, в первую очередь, результат сопоставления старого и нового. Истоки их мышления, с одной стороны, доходят до глубин древности, а с другой - стоят рядом с одним из самых влиятельных течений XX века – экзистенциализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Довлатов С.Д. Последняя книга, -СПб.: Азбука–Классика, 2012. - 324с.
2. Семь дней.- Нью-Йорк, Ailuros, N48, 1984.

3. **Литературовеческий словарь.**- М.: Просвещение, 1989.
4. **Довлатов С. Д.** Записные книжки. –СПб.: Азбука–Классика, 2012. - 410с.
5. **Актеры, дяди, экзистенциалисты:** Интервью журналу Newsweek.- 1989, 24 апреля.

Բ.Ժ. ԳԱԼՍՏՅԱՆ

ԷԿՉԻՍՏԵՆՑԻԱԼԻԶՄԻ ՓԻԼԻՍՈՓԱՅԱԿԱՆ ՕՐԻՆԱԶԱՓՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ Վ.ՍԱՐՈՅԱՆԻ ԵՎ Ս.ԴՈՎԼԱԹՈՎԻ ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ

Քննվում են էկզիստենցիալիզմի փիլիսոփայական օրինաչափությունները Վ.Սարոյանի և Ս. Դովլատովի ստեղծագործություններում:

Առանցքային բաներ. էկզիստենցիալիզմ, սահմանային իրավիճակ, մտորում, անհեթեթություն, մտածողություն, կեցություն:

B.J. GALSTYAN

PHILOSOPHICAL LAWS OF EXISTENTIALISM IN THE WORKS BY WILLIAM SAROYAN AND SERGEI DOVLATOV

The philosophical laws in the works by William Saroyan and S.Dovlatov are considered.

Keywords: existentialism, boundary situation, thinking absurdity, thinking and being, literature.

ՀՏԴ 377.1:82

Հ.Թ. ՄԱՆՈՒԿՅԱՆ

ԱՐՏԱԼՍԱՐԱՆԱՅԻՆ ԱՇԽԱՏԱՆՔՆԵՐԻ ԴԵՐԸ ՄԻՋԻՆ ՄԱՍՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՀՈՍՔԵՐԻ ՈՒՍՈՒՑՄԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՈՒՄ (ԳՐԱԿԱՆ ՎԻԿՏՈՐԻՆԱՅԻ ՕՐԻՆԱԿՈՎ)

Ներկայացվում է խմբային հետազոտության մեթոդով, վիկտորինայի ձևաչափով արտալսարանային աշխատանքների կատարման արդյունավետ աշխատանքային փորձ:

Առանցքային բաներ. խմբային հետազոտության մեթոդ, Խ.Աբովյան, արտալսարանային աշխատանք:

Ներածություն: Դասի դաստիարակչական և ուսումնական բաղկացուցիչները կարևոր են և փոխկապակցված: Դրանք, այնուամենայնիվ, մանկավարժին առաջադրում են հարցեր՝ ինչպես սովորեցնել արդյունք ստանալու համար, ինչ անել՝ ուսուցման գործընթացն ավելի հետաքրքիր և գրավիչ դարձնելու